

1

ЗАПАДНЯ ИЗ СВЕТА И ПУСТОТЫ

Тьма отступала, забирая с собой оцепенение и тепло. Анестезия утекала из кончиков пальцев, и на ее место возвращался цвет. Звуки и запахи, доносившиеся словно издалека. Сковавшая ребра боль.

Ты лежишь на спине и застывшим взглядом смотришь в окно, распахнутое настежь. Из маленькой спальни с мягкого цветастого матраса видны плывущие по небу облака. Отрывистые и быстрые. Дождь кончился.

Дождь кончился, а вот мой путь в этом мире, кажется, еще не подошел к концу. Это была всего лишь дорога в никуда, запутавшаяся в человеческой глупости, как в петле. Меня накрыло странное чувство: облегчение, смешанное с отчаянием.

Я подняла над головой руку, и маленькое незначительное движение чуть было не отправило меня назад в душный бездонный мрак.

Болью почему-то отдалось в груди, хотя странно, вроде бы там не должно болеть. Я с трудом сфокусировала взгляд на выступающей во тьме обморочно бледной коже. Запястье плотно перебинтовано, схвачено белым и туго стянуто, так что не видно ни плодов моих

стараний, ни даже следов от крови. Я усмехнулась своей нелепости. Видимо, даже вскрыться не могу по-человечески, раз все разрешилось так просто. Бинтик, надо же. И всего-то.

Из-за закрытой двери доносились приглушенные голоса.

Первый был из тех, что на весь остаток твоей маленькой и никчемной жизни приобретает права являться тебе в кошмарах, парализовать и будить. Из-за таких вот голосов ты вскакиваешь посреди ночи в холодном поту и лихорадочно шарить по прикроватной тумбочке — где там таблетки успокоительного. Второй был грубый и сипловатый, совершенно невыразительный и незнакомый мне. Он как раз и вынес тот самый вердикт-приговор:

— Сейчас беспокоиться больше не о чем. Я поеду, если у вас не осталось вопросов.

— Не осталось, — сухо подтвердили ему.

Тяжелые шаги, звук закрывающейся входной двери, отчетливо различимый даже со второго этажа в этой хрустальной ночной тишине. Я услышала, как Ланк-миллер выругался почему-то, вернувшись обратно в спальню, но его последние слова заглушила трель его же собственного смартфона.

— Да? Прости, что заставил поволноваться. День сегодня был... не из легких. — Однако. Как резко переменялся его тон, как быстро перестал ранить. — Я и сам хотел тебе позвонить. Нет, боюсь, что вряд ли смогу приехать сейчас. Хотя погоди, это срочно?

Ну и сколько мне понадобилось, чтобы понять, что он говорит там с любимой женщиной? Я что, совсем уже безнадежна, да? В моей прежней жизни на это ушли бы годы, почему сейчас это заняло каких-то пару

секунда? Хотя, с другой стороны, вряд ли тут есть хоть что-нибудь удивительное. Это большая редкость — когда он говорит, а тебе не кажется, что что-то внутри гнет от звуков его голоса, от слов, которые он произносит.

— Я не смогу до утра, — Кэри снова отозвался на просьбу, прозвучавшую по ту сторону. — Мне еще нужно оформить кое-какие бумаги, но завтра-послезавтра мы уже все решим. Не переживай, просто потерпи еще немного. Если будут новости, звони мне сразу же.

Кажется, у них там какая-то драма. Странно, образ девушки из эскорта не вязался у меня с дамочкой в беде. Они обычно из тех, от кого другие попадают в беды. Видимо, она сказала ему что-то очаровательное в тот момент, потому что мучитель откликнулся на это с необыкновенной теплотой в голосе.

— Не говори глупостей.

Он может быть по-дурацки милым и это тоже не укладывается у меня в голове, а, скорее, течет ядом по моим венам и отравляет каждую мысль.

Полуночный разговор двух влюбленных закончился, и на какое-то время в доме вновь наступило давящее затишье. Я знала, к чему оно приведет. Мы оба об этом знали. Словно в подтверждение моих слов за стеной снова послышались шаги, скрипнула едва различимо дверная ручка. Занавески наполнились ночной свежестью, набухли, вздымаясь, как паруса, и сразу же медленно опали, едва только Ланкмилер притворил за собой дверь. Он видел, что я не сплю. Притворяться было бессмысленно.

Мучитель опустился на кровать, а я неохотно приоткрыла предварительно зажмуренные глаза и сразу же уставилась в сторону. Он помолчал немного, потом спросил:

— Ну и чего ты добилась этим, моя хорошая?

— Да уж точно не того, чего хотела... — прошептала я, избегая взглядом его лица.

Нарвалась на еще один тупой вопрос. Какого ответа ты ждешь от меня сейчас?

— Шансы быстро и безболезненно умереть от таких порезов до неприличия ничтожны, — он принялся отчитывать меня такой дежурной бесцветной интонацией, будто я не доела суп или поздороваться там забыла. — Человек может до трех раз терять сознание, а потом вновь приходить в себя. И это только до начала агонии — нечеловеческих мучений, вызванных болью во всем теле.

Это Ланкмиллер пытается напугать меня агонией? Тот Ланкмиллер, который и сам, без каких-либо инструментов способен вскрывать меня на живую?

— Учту твои напутствия к следующему разу, — прерывающимся слабым голосом сообщила я, только чтобы он отвязался.

— Дорогая моя, следующего раза не будет, — Кэри потянулся ко мне, и грудную клетку свело от одного только его жеста. — Я тебя пристегну к кровати вдали от всяких колюще-режущих предметов, и будешь сидеть, — огладил лицо, спускаясь большим пальцем вниз по скуле.

Перестань.

Убери руку.

Меня от тебя тошнит. Я ощущаю себя черной стовревшей спичкой, брошенной в сырости и покрывающейся плесенью от твоих проклятых прикосновений.

— Принесешь воды?

Видимо, эта просьба вышла настолько жалкой, что он даже иронизировать не стал, молча поднялся и вы-

шел из комнаты. Через какое-то время вернулся со стеклянным стаканом из кухни, протянул мне. Я попыталась приподняться на локтях, но это мужественное начинание как-то не задалось у меня, и я снова неловко рухнула на подушку.

И тогда Ланкмиллер с тяжелым вздохом бережно приподнял меня за плечи одной рукой, поднес стакан к лицу. Я чуть подалась вперед, касаясь стекла губами. Царапнула взглядом по мучительскому лицу случайно, всего на секунду, но он все равно заметил.

— Не смотри на меня так ненавистно. Сижу с тобой и удивляюсь, почему я сам до сих пор тебя не убил...

Это были единственные искренние слова, сказанные им в тот вечер.

Я сделала пару судорожных глотков, а потом, вывернувшись из его рук, уткнулась лицом в подушку, и уже оттуда мрачно пробубнила в накрахмаленную льняную ткань:

— Уйди, пожалуйста. Видеть тебя не хочу.

У Ланкмиллера в тот момент снова очень кстати зазвонил телефон, и он вышел, наконец оставляя меня одну.

* * *

Мы молча сидели на кухне. Словно место взрыва, опустевшая и несчастная кухонька, потерявшая всякий смысл, залитая ярким весенним светом до самого потолка. Тишина между нами казалась мертвой, она оседала по полу белым шумом, касалась плеч.

Кэри допивал свой утренний кофе, а я, отказавшись от завтрака, меланхолично мордой уткнулась в стол.

— Кику, — звон чашки о блюдечко, чистый, совсем не под стать моему хозяину. — Тебе нужно поесть.

— Я не хочу, сказала же, — уныло отмахнулась от него, не удосужившись даже лица поднять.

— Может, тебе напомнить про... — начало гневной ланкмиллерской тирады было устрашающим, но я взвилась в ответ, даже не позволив ему закончить.

— Да господи, пошел ты к черту, почему ты не можешь просто отстать от меня, мне так паршиво, — злобно процедила я в столешницу, попутно демонстрируя не очень приличный жест.

В ответ послышался новый усталый вздох. Ну ударь меня уже, что ли, мне прям совсем совестно. Ланкмиллер словно уловил мои мысли, стустил их из воздуха и переставил по-своему, заставив цепенеть от звуков своего голоса.

— Знала бы ты, как я хочу выпороть тебя сейчас. Я так устал от твоих постоянных выходов.

Я подняла на него глаза, впервые за это утро. И смысл его слов дошел до меня медленно, наложился на его образ в моей голове, на наш... род отношений. Чем бы он стал пороть? Плеткой или рукой? Нет, рукой — это отшлепать, а не выпороть. Думая о том, какие у него руки, я бы, наверное, согласилась на это и добровольно. Кожа пошла мурашками на затылке, будто ее случайно коснулся лед.

До меня вдруг наконец дошло, что я как-то непозволительно затянула со своей негодующей реакцией, в результате я просто уставилась на него, как идиотка. Надо бы как-то выкрутиться из этого мрачного тупика.

— Устал он, — фыркнула под нос, снова роняя голову.

— Поешь.

Ланкмиллер сказал свое веское решительное слово, встал из-за стола и направился к выходу из кухни.

Я угрюмо сопела ему вслед какое-то время, прежде чем все-таки послушаться этих увещеваний, не глядя пихая тарелку в микроволновку.

* * *

Кажется, я проспала еще несколько часов после этого завтрака. Вернулась неверной походкой в ту спальню наверху, завалившись на кровать, спрятала нос в ладонях и провалилась в сон. Когда проснулась, солнечный свет уже превратился из золотого в медный. Значит, дело плавно клонилось к вечеру.

Я побрела в ванную, умыться и хоть как-нибудь привести себя в порядок, хоть что-то сообразить, прежде чем он вернется. С кривой усмешкой замерла в дверях.

Еще б чуть-чуть, и поселился бы тут мой бранный дух на безвременной основе. Но сейчас уже ничто здесь не напоминало о произошедшем. Следы крови оттерли — пол сверкал первозданной чистотой, и запах моющего средства, густой и едкий, все еще ощущался в воздухе. Дверь тоже стояла целехонька. Но как он ее... Я даже задержала дыхание, когда заметила, ногтями больно впиалась в дверной косяк.

Замочная скважина. Если чуть присмотреться, то вот она, в ручке с внешней стороны двери.

Ланкмиллер и не думал ее выламывать, как грозился, ведь у него был ключ. И то, что мучитель тянул так долго, — было лишь частью плана. Он хотел, чтобы я сама себе поверила. Чтобы сама призналась себе во всем и больше не занималась глупостями. Кажется, он так это называет. «Глупости». Из-за всех этих мыслей мне захотелось так сильно пнуть бортик ванной, чтобы раздался глухой и далекий гул, но я удержала себя в ру-

ках. От этой манифестации праведного гнева больно будет только мне.

К тому же — мне ведь должно быть все равно. И этому чудишу в зеркале тоже. Лохматое и с такими синячищами под глазами, будто накануне имело потасовку с ротой солдат. Ему-то уж точно все равно. И как только Ланкмиллер не ухохатывается при виде меня? Какое-то маленькое жалкое недоразумение, постоянно вызывающее проблемы.

Дверь на этаж хлопнула, выводя меня из раздумий. Попутно расчесывая волосы пятерней, я мгновенно выскользнула из ванной. Для мучителя час еще ранний, а если это какой-нибудь Генрих, то все вообще плохо. Видимо, от нервов в тот момент голова мне отказала, и вместо того, чтобы спрятаться где-нибудь по-тихому, я резким движением нажала на ручку и буквально вывалилась в коридор. И вслед за этим мы замерли, уставившись друг на друга.

Кэри и... Элен Райт, кажется?

Я узнала ее по глазам. словно подсвеченные изнутри. Да, ее глаза были ровно такими, как он о них говорил.

— Здравствуй, — она выдохнула это в воздух удивленно, даже слегка растерянно, и я уже распереживалась, не задела ли ее дверь, пока открывала ее рывком.

Приятный и нежный голос, моментально приковывающий к себе внимание. Сразу вдруг хочется, чтобы она еще что-нибудь сказала. Кэри устремил на меня многозначительный царапающий взгляд с намеком на то, что кое-кто забыл поздороваться в свою очередь.

— Привет, — я передернула плечами, и тут только заметила нашивку на рукаве ее белоснежной, заботливо выглаженной рубашки.

Пять блестящих звезд на синем бархате.

— Эскорт?

— Точно. Эскорт, — с грустным смешком подтвердила Элен.

Черт. Он ведь мне говорил.

— Ступай в кабинет, — сдержанно велел Ланкмиллер, отпуская ее руку, — дверь за твоей спиной. Я сейчас подойду. — Послышалось негромкое «угу», а потом — звук открывающейся двери. Кэри обернулся ко мне. — Заранее предупредить не вышло, потому я делаю это сейчас. В скором времени она будет жить здесь, с нами. И если вдруг с твоей стороны хоть что-то, даже самое незначительное...

— Стоп, Ланкмиллер. Давай без этого, — я вскинула руки, вновь прерывая его на середине фразы. — Тебе не нужно меня уговаривать и запугивать. Я буду... как ты это называешь, «пупсиком».

— Хорошей девочкой, — почти деликатно поправил Кэри.

— Как тебе угодно, — хмуро буркнула я и, чуть помолчав, добавила: — С чего ты вообще взялся устраивать тут эти ритуальные приветствия со своей любовью?

— Во-первых, вам предстоит жить в одном доме, так что знакомиться бы в любом случае пришлось. А во-вторых, — его голос вдруг сделался слаще, — ты так резко не выпрыгивай больше из спальни, и эксцессов больше не будет, — он проговорил это, чуть сощурившись, а потом вслед за Элен отправился в кабинет.

Я задумчиво уставилась ему вслед. Ну и ну. Мы уже не один день существуем бок о бок, а ты еще не понял, что цапать глазки твоим любовям — штука не для меня? Нам предстоит жить в одном доме? Только не говорите мне, что он и эту девочку собрался купить, как... вещь.

Я даже не успела исчезнуть куда-нибудь из этого злосчастного коридора, как в нем снова появились двое: чопорная дамочка преклонных лет в маленьких острых очках и один из ланкмиллерских охранников. Вместе с ними в воздух просочился тяжелый и душный запах женского парфюма, от которого голова мгновенно начала наливаться тяжестью. Секьюрити проводил даму к кабинету, услужливо приоткрыл дверь и, выполнив этот священный долг, поспешил скорее ретироваться.

Заинтересованная всей этой чертовщиной, вместо того чтобы скрыться куда подальше и не пугать своим видом гостей, я подобралась к подоконнику аккурат напротив кабинета, чтобы самую малость погреть уши об это неожиданное собрание.

Различить я смогла два голоса. Голос мучителя звучал уверенно и почти не отражал эмоций, эдакий стандартный деловой тон. Получалось уловить лишь отрывки, что-то про едва ли не крупнейший контракт десятилетия, заключенный благодаря Элен. Услышав второй голос, я даже как-то поморщилась, отползая дальше по подоконнику и вжимаясь в стекло. Дребезжащий и щепетильный, соскальзывающий на высокие тональности, он бил по нервам и по ушам. Собравшись уходить, я даже пожалела Ланкмиллера, которому от этой попытки не сбежать столь же просто, как мне. Но в этот момент дверь кабинета приоткрылась, и оттуда выскользнула ланкмиллерская возлюбленная, бледная, словно мел.

— Выставили, — неловко, словно оправдываясь, она пожалала плечами и опустила на подоконник рядом со мной. — Я Элен. Элен Райт. Может, он говорил, но мне хотелось познакомиться... по-нормальному.

— А я... Вообще-то меня зовут Роуз, но Ланкмиллер так представляться не разрешает, так что давай сделаем вид, что я назвалась Кику. — От этого заявления на лице моей собеседницы отчетливо отразилось тревожное изумление, и я поспешила успокоить ее. — Можешь, конечно, попереживать, что тебя тоже одарят дурацкой кличкой, но я бы не стала, ведь обычно здесь так не делают. Кажется, у него ко мне что-то личное.

Она ничего не ответила, уставилась на дверь, гипнотизируя ее взглядом, живым только наполовину. Такими глазами не смотрят в светлое будущее. Значит, все-таки... Господи, ну зачем.

— Если бы у меня был выбор, я бы не пошла на такое. Я бы ни за что не оказалась здесь, — мой собственный голос показался мне далеким и совершенно чужим.

Элен вздрогнула от его звука. Пожала плечами и выдохнула с обреченной иронией:

— Жаль, что у меня его тоже нет.

После этих слов меня развернуло к ней лицом, я даже локтем больно стукнулась об угол, но все равно, почти даже не замечая этого, в оба глаза уставилась на Райт, так, как будто мне нужны были пояснения. Ей явно не тринадцать лет, и она не в том положении, когда семья может спихнуть за бесценок в «Змеиный зуб». И в конце концов в нашем вольном государстве это запрещено. Да, черт возьми, пояснения бы тут не помешали. Элен поняла это и без слов.

— Моя мать владеет эскорт-агентством. Она позаботилась о том, чтобы я стала лучшей из ее девочек. Идеальная выправка, дорогие шмотки, образование. — Райт вычерчивала пальцем косые зигзаги на подоконнике, говорила с паузами, словно собраться с мыслями